

1. 363-374
- 2.
- 3.
4. Васильев Б.А.
5. А зори здесь тихие...
6. Архангельск — обл. театр  
Граны им. М.В. Ломоносова
7. реф. — Тамсерьян Ю.

Архангельский театр имени М. В. Ломоносова гастролрует в районах области. Как пройдет его творческий отчет перед новыми зрителями?

Откровенно говоря, прощание с уходящим сезоном в нашем театре сопровождалось чувствами противоречивыми. Ибо противоречия, неровен был сам сезон. Вначале складывалось впечатление, что Ломоносовцы как-то потеряли характерный для них курс на произведение крупных масштабов, на драматургию, глаубоко, правдиво отражающую жизнь советского народа, на пьесы лучшей русской и зарубежной классики. На сцене поселилась «камерная» драматургия — театр веселил, развлекал и все больше тревожил своим спокойствием...

К тому времени и относится одна из самых «кассовых» постановок сезона — комедия венгерского драматурга М. Дьярфаша «Проснись и пой».

Огромное по важности событие происходило в театральной жизни страны — фестиваль венгерской драматургии. Более семидесяти театров поставили двадцать пять пьес, посвященных о жизни венгерского народа. Советские артисты познакомились с рядом значительных произведений, и это стало новым этапом на пути сближения двух братских культур. В репертуаре фестиваля были также шедевры, как «Тигр и гиена» Ш. Песоди, «Бани-бани» Я. Катони, «Трагедия человека» И. Маджача, великодушная пьеса-фарс И. Эркеня «Тот, другие и майор».

Отрадно, что наш театр не стоял в стороне от большого события. Но он оказался в числе тех театров, что остановили выбор на комедии «Проснись и пой». Сама по себе пьеса М. Дьярфаша не вызывает возражений — это веселый водевил, а непритязательной серьезности которого вскрывается истинная сущность взаимоотношений «стола» и «лежка», о том, что «молодость духа» — постоянное не только личное, но

и общественное. Пьеса привлекает и тем, что в ней ясно ощущается любовь автора к своему народу, ко всему, что определяет сегодняшний день страны. Словом, не случайно комедия полюбилась многим театрам. Иное — выбор ее Ломоносовцами. Разговор на эту тему в это же время и на том же языке театр вел постановкой пьесы Арбузова «Сказки старого Арбата». И дело не столько в некотором сходстве

за другой пьесы, которые были в центре всей театральной жизни страны, среди них «Человек со стороны» Дворецкого, «А зори здесь тихие...» Васильева. Это пьесы со сложными, жизненно правдивыми образами, раскрывающие величие жизни, труда и борьбы советского народа.

Сколько раз вот так же гляделись мы в лица тех, кто навеки застыл в монументах, волнуясь, пытались представить этих людей: как они жили, что волновало их, о чем успели подумать в последнюю

В постановке Ю. Тамсерьяна инсценировка повести Б. Васильева «А зори здесь тихие...» — это лирическая пьеса о молодости и подвиге, пьеса, напоминающая наши старинные русские песни, в которых и вельсье сдержанно, и рыдания приглушены.

Песенность повествования определяет развитие всего действия. Как зачин, первые эпизоды — группа девушек-добровольцев прибывает в ближний от фронта тыл, на 171-й разведке. Поступают они в распоряжение старшины Васкова,

делая и режиссуру этих эпизодов. Идет рассказ за рассказом, и они воспринимают в единстве, как общий портрет поколения. Каждая судьба — это как бы представительница сотен таких же судеб. О себе они пели «Мы кузнецы, и дух наш молод» и еще — «Широка страна моя родная».

Правда, во второй половине спектакля мы ощущаем недостаток индивидуальности героинь — их гибель мы опять ощущаем как гибель всех вместе. Это равно тому, как в сводках военных времен сооб-

бодать, и детей рожать, и дом иметь крепкий. Потому-то смерть Лизы на болоте кажется еще противостественней.

Они гибнут по-разному, эти девочки — потерявшая Рита, умная и всегда печальная Рита Овсянникова (В. Карналова), лихая красавица Желя (Ю. Бергер), поэтичная, нежная Соня (О. Богданова). И смысл их гибели, когда каждая из них, протестуя против смерти, принимает ее без рыданий, звучит в словах Риты, что не зря они умирали за Родиной, ее защищая.

ее остались в Минске: «Ах, заморились ты воробышки» — и тоска в его голосе. И по-отцовски советует: «Ты громко-то не читай здесь...» (проще бы — «горло застудил»), а заканчивает: «Верст за пять слышно». И с каждой так же, без режиссы, Ласковой.

В Каленчук передал в нежной любви Васкова к девочкам любовь ко всему, что есть родное на земле. Именно этим чувством окрашен каждый поступок Федота Васкова. И еще верой в непобедимость Родины. И мы верим, что сумел Васков один на один справиться с отрядом диверсантов, так велика его духовная сила.

Когда вновь осветит красивый свет скульптурную группу, устало и виновато пойдет Васков к девочкам, словно просит прощения за то, что не уберет их... И они шагнут ему навстречу благодарно и понимая...

«А зори здесь тихие...» в постановке дипломанта Ленинградского театрального института Ю. Тамсерьяна — удача бесспорная. Режиссер создал единый образ постановки. Выразительны актеры в ней свет. Условность и безаппелельность органично сочетаются, за исключением, пожалуй, одного из эпизодов в первом акте, когда девушки отдыхают после боя. Режиссер тут, пожалуй, излишне стремится подчеркнуть молодость героинь, и бытовая правда заменилась натурализмом. Условные декорации — пересечение плоскостей — помогают стремительному ритму действия, но возможности такого решения не всегда используются и в некоторых эпизодах декорации остаются просто нагромождением кубов. Излишний кажется в финале пьесы — сам по себе финал настолько красноречив, что «добавления» ему не нужны...

Это лишь частные замечания.

Н. ФЕДОРОВА.

## ТЕАТР

# «О ЛЮДЯХ, ЧТО УШЛИ, НЕ ДОЛЮБИВ...»

сюжета, сколько в образе самого взгляда на ситуацию, на героев...

«Проснись и пой» в постановке заслуженного артиста РСФСР А. Элькеса — веселый водевил о добрых и милых людях. И только. Из пьес исчерпывающий материал. Под откровенной черепичной крышей, охраняющей очаг Пшуты Орбока, его покорной жены Эржи, непослушного сына Дьюлы и по-юношески задорной соседки тети Тони, могли обитать в общем-то представители любой национальности. Жизнь героев (Пшута, тети Тони) не связана с историей своей страны, а связь эта в пьесе была явной. И конфликт между Орбоком и его сыном — не последний из взглядов на жизнь, современную и отсталую, а попросту семейный конфликт между отцом и осужденным сыном, сведенный к милой любовной истории. И это, вестимо на то, что В. Шостонко буквально оборачивал своим комическим даром в роли Орбока.

Перелом в сезоне наступил неожиданно и резко. Театр начал вписывать в афишу ода

минуту, откуда же взяли столько силы, мужества...

«...Мы были высокими, русоволосыми. Вы в книгах прочитаете, как мы жили».

О людях, что ушли, не долюбив, Не доузнав последней папироски...

«Красный свет торжественно и строго заливает скульптурную группу — пять девочек и солдатской форме. Этой короткой минутой молчания начинается спектакль. «А зори здесь тихие...» Но сцена вдруг всколыхнулась от яркого света — и кишулись к нам с веселыми криками девочки, те, которые еще не знают, какое испытание их ждет вперед, те, которые «уйдут, не долюбив»...

Он еще раз зальет сцену, этот красный свет... — угор воле леса, одну из девочек, и она от радости, последней в жизни, простонет: «А зори здесь тихие...»

И будет красный свет ласковым, как летние восходы у нас на Руси. Но тут же упадет девочка, и огненно-красный свет заловеще похлывнет над ней...

человека, на первый взгляд, сугубо военного, «уставного». И хотя война по-своему распорядилась судьбой девочки, она по-мировому беззаботна, психически. По вечерам мечтает девочкой о будущем, вздыхает о любви, днем нежится под солнышком, да поспешает над старшиной. А старшина в растерянности и смущении поглядывает на свое «воинство». И воюют девочки пока что в лихостыно вальсочком: обострели самолет и отпосторга, забыв об опасности, запылали, закричали. Васков то злится, то горестно усмехается. Но вот Рита Овсянникова обнаружилась в лесу немецкий десант. Объявив тревогу, Васков выбрал пять девочек и пошел ловить немцев. А их оказалось не двое, а шестнадцать. И как ни стремился старшина уберечь своих девочек, погибли все пятеро...

Песенный зачин сменяется маленькими эпизодами, как бы заплатами о каждой из девочек. Мы узнаем о их жизни до войны: как учились, о чем мечтали, кого любили... Обобщенно-лирический характер повествования опре-

шалось: В боях за высоту такую-то погибли столько-то человек... И, думается, в этом песенно-повествовательный тон подлей режиссера. Потому-то из всех девочек запомнились только две, их гибель мы восприняли особенно сильно. Еще ребенок, наивная и смешная, самая младшая Галля-«Четвертак» (Г. Касселани). Но сколько в ней своего, затвеного, что раскрывается потом в лесу: и про маму-медика она придувалась, не было у нее ее ни-когда, эту тоску по материнской ласке ошущим мы подзвез, и мечту о большой любви, удалем, когда вспоминаем, как фантазировала Галля о модном платье... Все это вспомним, когда она, осклинув руки, застынет в предсмертной тоске и крикнет: «Убитая я. Я с двадцати пятого, за что мени?». Мама! Эпизод, потрясающий по своей силе, жестокий и страшный, как жестока и страшна война. И еще девочки — Лиза Бричкина артистка Л. Быловой — как дыхание размеренной сельской жизни, деловая и молчаливая, а на молчаливость — тоска по настоящей любви, по настоящей жизни: чтобы и учиться, и ре-

И все-таки мы не можем смириться с гибелью девочек, как не может смириться с этим старшина Васков. Образ этот, созданный с опорушей силой и достоверностью заслуженным артистом РСФСР В. Каленчуком, во многом определил удачу спектакля. Вот, прихрамывая, тяжело идет старшина вдоль строя только что прибывшего в его распоряжение отряда. Усталый от войны крестьянин, хмурый и замкнутый, а в глазах ядрот желтуху хитринка, но упрямая же, опять пошла, глупица растерянно и как будто виновато... Это чувство вины перед девочками, перед женой, с которой свела его война на разведке, перед всей Родиной в том суровом 42-м и есть главное в Васкове. Он солгал, но чего же он стоит, солдат, если девочки поют...

Постепенно раскрывается перед нами аспект красоты души Васкова. В лесу перед бумом обходит он свое подразделение с целью вроде бы чисто практической: поддержать дух, но «командирский» разговор не подучается. С нежностью говорит он Сонне, когда узнает, что родители

ПРАВДА СЕВЕР  
Г. АРХАНГЕЛЬСК

30 МАЯ 1972